

века: итоги века, тенденции, перспективы / Отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2002. – С. VIII. 13. *Раянов Ф. М.* Концепция устойчивого развития и российская правовая действительность // Право и политика. 2004. № 12. – С. 6. 14. *Права человека: итоги века, тенденции, перспективы* / Отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2002; *Ковлер А. И.* Антропология права: Учебник. М., 2002; *Рулан Н.* Юридическая антропология: Учебник / Отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1999; *Сюкияйнен Л. Р.* Исламский подход к правам человека: основные принципы и перспективы сближения с международными стандартами // Аналитические записки. Права человека и права народа. О положении меньшинств в странах-членах Совета Европы. М., 2006; *Сунатаев М. А.* Культурология и право. М., 1998; *Крашенинникова Н. А.* Права человека в Индии: традиционализм и современность // Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / Отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2002; и др. 15. *Саидов А. Х.* Международное право прав человека. М., 2002.

В. Е. ЧИРКИН,

доктор юридических наук (Российская Федерация)

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА: ВАРИАНТЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Используя сравнительный, лингвистический методы, контент-анализ, автор рассматривает терминологию, применяемую в британской, французской, немецкой, некоторых других конституциях, иных правовых актах, международных документах для обозначения понятий «правовое государство» и «верховенство права» («господство права»). Показаны различия в происхождении, содержании и значении этих словосочетаний в разных языках, указаны их недостатки и ограничения. Автор рассматривает определения «верховенства права», данные авторитетными международными организациями, предлагает уточнения таких определений.

Ключевые слова: верховенство права, юридическая терминология, правовое государство, принцип законности, сравнительный анализ.

Чиркин В. Є. Правова держава і верховенство права: варіанти термінології

Використовуючи порівняльний, лінгвістичний методи, контент-аналіз, автор розглядає термінологію, застосовувану в британській, французькій, німецькій, деяких інших конституціях, інших правових актах, міжнародних документах для позначення понять «правова держава» і «верховенство права» («панування права»). Показані відмінності в походженні, зміст і значення цих словосполучень у різних мовах, їх недоліки й обмеження. Автор розглядає визначення верховенства права, дані авторитетними міжнародними організаціями, пропонує уточнення визначень.

Ключові слова: верховенство права, юридична термінологія, правова держава, принцип законності, порівняльний аналіз.

Chirkin V.E. Rule of law: options of terminology

The article is based on the study of documentary materials. Although the terminology is inseparable from content the article discusses mainly terminological side of the phenomena. Using comparative, linguistic methods, content analysis, the author examines terminology used in British, French, German, some other constitutions, including the constitutions in Slavic languages, other legal acts, international documents to refer to the concepts of “state

of law” and “supremacy of law” (sometimes also used the term “rule of law”), showing the differences in the origin, content and meaning of these phrases in Russian, some other Slavic languages, and other languages in Western Europe. The article listed the shortcomings of some terms, limit the content of the rule of law concept by higher legal force of the Constitution, the constitutionality, legality or the special role of the law in the system of sources of law. The author examines the definitions of “rule of law”, which given some credible international organizations, offers clarification of these definitions.

Key words: *the rule of law, rule of law terminology in foreign languages, rechtsstaat, the principle of legality, comparative approach.*

Концепция и практика правового государства неразрывно связана с понятием верховенства права. Это отражают существующие формулировки. В немецком языке термин «господство права» («Rechtsstaatlichkeit») произведен от слова «правовое государство» («Rechtsstaat»), во французском языке до сих пор часто используется перевод с последнего немецкого слова (État de droit), а в английском языке для обеих этих понятий применяется одно и то же словосочетание – «rule of law». В российской юридической литературе существует устойчивое представление, что понятие «правовое государство» по своему содержанию шире понятия «господство права» и поэтому используются разные термины. Последний – только один их элементов первого, хотя, видимо, решающий элемент. Среди других элементов правового государства исследователи называют разные составляющие, в том числе не относящиеся непосредственно к правовому государству (власть народа, закрепление в конституции и осуществление на практике прав человека и гражданина, политический плюрализм, представительную демократию, разделение властей, должную судебную процедуру, ответственное (перед парламентом) правительство, местное самоуправление, урегулированность на уровне закона всех основных общественных отношений и др.). Иногда таких элементов называют около десятка и вопрос о необходимом и достаточном продолжает оставаться спорным.

Термин «правовое государство» (в разных словарных обозначениях) теперь вошел во многие современные демократические конституции на разных континентах. В них также всегда присутствует идея верховенства или господства права (на наш взгляд, эти слова имеют свои оттенки). Однако в конституциях подавляющего большинства государств мира (в том числе России), в отличие от словосочетания «правовое государство», нет термина «верховенство права». Во многих романских языках также нет таких кратких устойчивых словосочетаний, которые бы полностью отражали содержание формулировки «верховенство права», используемой в русском и некоторых других славянских языках. В романских языках основное слово, обозначающее с предлогами понятие «верховенство права» это *regla, regola, regra* (регулирование, правление, управление). Нередко в таких странах пользуются английским словосочетанием *rule of law* (правление права), но и оно не адекватно содержанию «верховенство права».

Насколько можно судить по переводам, термина, выражающего содержание формулировки «верховенство права», нет и в конституциях Востока

(Китай, Японии и др.). В странах Латинской Америки, где обычно принято в конституциях перечислять основные принципы правового государства, «верховенство права» (в такой буквальной формулировке) среди них не значится. Нет в конституциях России и зарубежных стран также термина «господство права», который иногда используется в российской юридической литературе и обычно считается аналогом верховенства права. Поэтому то, что сказано ниже о верховенстве права, в основном относится и к господству права.

Буквальная формулировка «верховенство права», используется крайне редко, преимущественно в некоторых балканских государствах, образованных на постсоциалистическом пространстве (ст. 8 Конституции Македонии 1991 г. – «владеењето на правото»¹, ст. 3 Конституции Хорватии 1990 г. – «vladavina prava»)², а также в ст. 1 Конституции Белоруссии 1996 г. – «прынцып вяршэнства права»³. В них такое положение перечислено наряду с другими «ценностями конституционного строя» (Хорватия), «основными ценностями республики» (Македония), к которым обычно отнесены права человека, политический плюрализм, разделение властей и др. В Белоруссии этот принцип содержится в отдельной статье с развивающими его положениями. В Словакии и Чехии особого термина, однако, видимо, нет, используется термин, обозначающий также правовое государство (právneho stavu, právního řádu), в Польше – praworządność, что близко к смыслу английского словосочетания.

В конституциях СССР и советской России формулировка «верховенство права» никогда не использовалась. В Конституции РФ 1993 г. содержатся положения о правовом государстве, о высшей юридической силе Конституции (ч. 1 ст. 15), есть идея верховенства права, используется слово «верховенство». В ч. 2 ст. 4 говорится; «Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации». Однако это слово имеет определенный акцент. Речь идет не о верховенстве права, как такового, а о верховенстве на всей территории РФ (например, по отношению к актам субъектов РФ и международным актам) и о верховенстве только Конституции и законов. В период «парада суверенитетов», когда разрабатывалась и принималась Конституция РФ, этот территориальный акцент, в том числе на отношении Федерации и ее субъектов, был очень важен. Определенный ограничительный характер имеет и название конкретных правовых актов. Правда, иногда слово «закон» имеет обобщающее значение в смысле всякого нормативного правового акта, но все-таки словосочетания «верховенство право» в Конституции РФ нет.

В некоторых конституциях говорится только о верховенстве закона (ст. 6 Конституции Армении 1996 г., ч. 2 ст. 1 Конституции Боснии и Герцеговины 1995 г., преамбула Конституции Венесуэлы 1999 г.), высшей юридической силе конституции (ст. 4 Конституции Казахстана 1995 г.) или о том, что Конституция является верховным правом государства (Конституция Гаяны 1980 г., Польши 1997 г.). В Португалии среди основных принципов названа «демократическая законность» (ст. 3 Конституции 1976 г.). В Конституции Венгрии 2011 г. использована формулировка: «Конституция и законы обяза-

тельны для всех» (п. 2 ст. Q). Есть и иные положения, обозначающие значимость права и в частности конституции, законов, законности в обществе.

Такие положения, равно как и названные выше иные положения романских языков, немецкий термин *Rechtsstaatlichkeit* очень важны. Однако, на наш взгляд, они не включают весь объем значения славянской формулировки «верховенство права», не выявляют доминирующей роли права в обществе при регулировании общественных отношений, особого характера такого регулирования, его обеспечения со стороны публичной (прежде всего суверенной государственной) власти и связанности правом деятельности всех институтов общества, включая само государство. Право верховно по отношению к государству, хотя в данном случае существуют и определенные особенности, о которых мы скажем ниже.

В некоторых важнейших международных документах в различной языковой терминологии применяются неодинаковые формулировки в чем-то похожие на «верховенство права». Во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. говорится только о верховенстве закона, но уже в Уставе Совета Европы 1949 г. среди духовных и моральных ценностей наряду со свободой в преамбуле названо верховенство права (*rule of law*). Это повторено в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (в официальных текстах на других языках использованы иные и совсем разные словосочетания с учетом языковых особенностей: в немецком языке – *der Rechtsstaatlichkeit* (буквально – правовая государственность), во французском – *prééminence du droit* или *primauté de droit* (буквально – превосходство, главенство права).

Термины, в чем-то похожие на «верховенство права», есть в документах ОБСЕ 1989 г., 1991 г. и др.⁴ В 2004 г. Генеральный секретарь ООН К. Анан сделал доклад о верховенстве права (Doc/5/2004/616/2p/08/2004), используя только британскую формулировку. В 2011 г. группа членов Венецианской комиссии «Демократия через право» подготовила второй доклад в верховенстве права⁵ (первый доклад, подготовленный другой группой, не был принят комиссией). О предложенном в нем понятии мы скажем ниже.

Признанного определения этого понятия и после этого доклада не существует. Не ясен даже сам его характер. В различных документах верховенство права (в используемых славянских и иных формулировках) названо идеей, идеалом, ценностью, принципом, в научных исследованиях – концепцией и доктриной. Видимо, в зависимости от ситуации это положение может иметь разный характер. Для международного права это в значительной мере призыв, обращенный к государствам планеты, он действительно является идеалом. Для государств, где в конституциях (основных законах) такой формулировки нет, он – идея, рассредоточенная в различных частных положениях (верховенство конституции, верховенство закона, законность, требования соблюдения закона и др.). Там, где это положение закреплено в конституции, верховенство права (и иные близкие формулировки западных языков) является конституционным принципом, а при ценностном подходе – важнейшей ценностью. Для научных исследований верховенство права может стать основной концепцией (для сле-

циального исследования) или являться исходной концепцией для частных работ, частных проявлений этого положения в законодательстве, правоприменительной практике, правовой идеологии, менталитете народа и т.д.

Как говорилось, в подавляющем большинстве основных законов государств нет термина, буквально означающего «верховенство права». Вместо этого в законодательстве, иногда только в политических документах, в литературе используются три термина и понятия: 1) английский термин *rule of law* – буквально «правление права», на русский язык переводится обычно как верховенство, реже – господство права; 2) немецкий термин *Rechtsstaat* – правовое государство, в переводе в таких же словах используется во французском, испанском, португальском и многих других языках стран мира; 3) законность (в разных вариантах, иногда – «социалистическая законность»). Слово «законность» используется также в отдельных документах в сочетании с принципом «правовое государство».

Rule of law отражает активное состояние права, его действие. Это понятие не ограничено государством, как термин «правовое государство» (право действует в обществе в целом), хотя в самой Великобритании этот термин принят в узком толковании знаменитого британского конституционалиста А. Дэйси (1835–1922), который считал этот принцип параллельным второму основному принципу – суверенитету парламента, и выделял в верховенстве права следующие составляющие: оно складывается в течение длительного времени путем судебных прецедентов и юридически проистекает из них; наказание возможно только на основании понятного людям закона, ориентированного на будущее; никто не может быть выше закона; правят не люди, а законы (этот последний элемент был, по нашему мнению, главным в названном толковании). В британской концепции изначально истоки понятия верховенства права связывают с Великой хартией вольностей 1215 г. и Биллем о правах 1689 г., но там этого термина не было, мы не нашли его и сейчас в законах, относимых к британской Конституции (но составляющими этой Конституции являются также судебные прецеденты, конвенциональные соглашения и основные выводы трудов выдающихся британских юристов, а там этот термин есть). По существу, *rule of law* имеет доктринальное происхождение, он принят в толкованиях. Точное слово «верховенство» в английском языке – это «supremacy» (а не «rule»). Российские юристы, говоря о законе Act of Supremacy 1534 г., который обозначил верховенство англиканской церкви, слово *supremacy* часто давали без перевода, так, как слышится, – «акт о супремации».

В большинстве стран, в том числе в России, Франции, Испании, Швейцарии и др., в конституциях теперь используется перевод не британского *rule of law*, а немецкого термина *der Rechtsstaat* (фр. *l'État de droit*, исп. *legal del estado*, ит. *stato giuridico*, польск. *stan prawny* и т. д. – правовое государство). Однако истоки возникновения этих понятий и некоторые их элементы не совсем одинаковы. Немецкая идея господства права при возникновении была и теперь связана не с ролью суда (как в Великобритании), а с ролью закона, а также с немецкой философской традицией государственности, позже – с социальной природой государства, которое издает законы, и с социальным содер-

жанием законов. Во французской концепции идею верховенства права связывают с борьбой против абсолютизма, событиями революции 1789 г., суверенитетом народа и принципом легальности государства, которое легально только при власти народа. Это относится и к некоторым другим государствам Европы.

В упомянутом выше докладе Венецианской комиссии отмечается, что для французского языка более точным термином был бы *prééminence du droit*, а не *État de droit*. Выше уже говорилось о различии этих понятий по широте содержания, но есть и иные различия. Представляется, однако, что и *prééminence*, возможно, не в полной мере выражает содержание слова «верховенство». Сложно, конечно, делать какие-то предложения носителям языка, но все же *prééminence* – это не верховенство, а, скорее «превосходство», «вышестояние» (вышестоящий). Смысл понятия «верховенство права» во французском языке, возможно, лучше передается словосочетанием *suprematie* (или *la supériorité de droit*). В испанском, итальянском языке верховенство, господство тоже может обозначаться словом *suprematia* и подобным ему (а не *regla, regola*). Есть и иные мнения.

Немецкий *Rechtsstaat* («правовое государство») достаточно определенный, но его терминологический минус заключается в ограниченном характере объекта: он относится только к государству, применение принципа верховенства права как бы ограничивается понятием государства (*Staat*). Такая формулировка является узкой, она не вмещает все содержание верховенства (господства) права (толкование этой формулы в теории и практике Германии, Австрии, Швейцарии более широкое, но мы тут говорим только о терминологии). В немецком языке понятие «верховенство» может быть обозначено словом *die Herrschaft*, но формулировка *die Herrschaft des Recht* (буквально: господство, верховенство права) в конституциях Австрии, Германии и, насколько мы можем судить, в правовых актах этих стран не используется. В обычной лексике для понятия верховенства, господства права в Германии, как говорилось, используется слово *die Rechtsstaatlichkeit*. Его дают в переводах и оно, как отмечено выше, использовано в Конвенции 1950 г.

Иногда используются термины «верховенство закона» или «законность». Термин «законность» в Конституции РФ теперь не используется, хотя в ч. 2 ст. 15 говорится об обязанности всех соблюдать Конституцию РФ и законы. Нет его и в законе о прокуратуре РФ 1995 г. (с учетом поправок). В конституциях сохранившихся пяти государств тоталитарного социализма (Вьетнам, Китай, КНДР, Куба, Лаос) понятие законности, как одно из важнейших, иногда используется в разных формулировках, хотя наряду с ним в некоторых из этих стран в последние годы поправками в конституции включен термин «социалистическое правовое государство». Принцип законности в связи с деятельностью прокуратуры упоминается и в ст. 124 Конституции Испании 1978 г. наряду с термином «правовое государство» (ст. 1). Термин «законность», как и «верховенство закона», конечно, имеет важное значение, но он еще более узок для выражения всего смысла верховенства права, чем правовое государство (с акцентом на государство). Словосочетание «верховенство

права» обладает гораздо более широким содержанием, оно относится к обществу в целом, к различным отношениям в нем, которые могут и должны регулироваться правом, а не только к вопросам соблюдения законности.

Однако и термин «верховенство права» обладает некоторыми недостатками. Он в определенной мере имеет идеологический, лозунговый характер. Этот термин недостаточно активен, он не так динамичен, как британский *rule of law*, в большей мере отражает состояние, а не действие. С другой стороны, английское словосочетание имеет свои недостатки: оно не отражает главного: идеи доминирования, господства. На наш взгляд, пока что лучшего термина, чем славянский «верховенство права» нет, британское словосочетание по его точному смыслу, верховенства права не обозначает.

Попытка выявить основные составляющие в понятии «верховенство права» (в традиционных формулировках *Rechtsstaat, état de droit* и *rule of law*)* сделана в упомянутом докладе Венецианской комиссии. Выделенные докладчиками признаки верховенства права в основном совпадают с докладом Генерального секретаря ООН 2004 г. и с определением председателя Британского института международного и сравнительного права Т. Бингхэма⁶. В докладе Венецианской комиссии указаны восемь составляющих этого понятия: (1) открытый доступ к закону (положения которого должны быть понятными и предсказуемыми); (2) вопросы юридических прав должны, как правило, решаться на основании закона, а не по усмотрению; (3) равенство перед законом; (4) власть должна осуществляться в соответствии с законом, справедливо и разумно; (5) права человека должны быть защищены; (6) должны быть предоставлены средства для урегулирования споров без неоправданных издержек или отсрочек; (7) суды должны быть справедливыми; и (8) государство должно соблюдать свои обязательства в рамках международного и национального права. Среди этих признаков много верных, но, на наш взгляд, в такое определение включены некоторые лишние признаки наиболее общего характера. В результате дается характеристика современного демократического права и его применения, а не одного из его решающих качеств – верховенства. С другой стороны, названы некоторые частные признаки, но не выделены отчетливо некоторые элементы, которые являются квалифицирующими для явления верховенства.

Намечая основные признаки понятия «верховенство права», на наш взгляд, важно сразу отсеять очень важные, но общие характеристики права, частные признаки и сконцентрировать внимание на том, что выражает *суть отношений верховенства*. Такая суть выражается, видимо, в следующем: 1) право закрепляет (прежде всего в конституциях) основы общественного, государственного строя и правового положения личности, на этой базе развиваются (должны

* На наш взгляд, эти исходные формулировки обозначают понятие верховенства права неточно. Поэтому справедливо докладчик Венецианской комиссии предложил вместо *état de droit* использовать *prééminence de droit*, хотя и это, как говорилось выше, недостаточно точно отражает идею верховенства права.

развиваться) все другие отношения в обществе; 2) право в итоге от имени суверенной публичной власти – государственной власти, а в конечном счете от имени власти народа, общества устанавливает общественно значимые возможности, субъективные права-притязания и долженствование, оно регулирует (стимулирует, поощряет, ограничивает, запрещает и др.) все основные отношения в обществе, которые должны быть урегулированы и поддаются правовому регулированию; 3) право определяет меру регулирования, осуществляемого другими властями в обществе (например, общественной властью добровольных объединений в отношении их членов или персональной родительской властью в семье); 4) верховенство права означает связанность правом поведения и деятельности всех физических и юридических лиц, объединений, сообществ, органов государства и самого государства.

Последнее не всегда учитывается исследователями. Например, Ф. Амон и М. Тропе, хотя и признают, что государство «должно действовать в системе права», одновременно замечают, что государство имеет свою волю, независимую от права⁷. На наш взгляд, этот вопрос в российской науке давно решен: да, государство имеет свою волю, но оно выразило ее в актах права, и они связывают и издавшее их государство.

1. *Bingham T.* The Rule of Law. – L., 2010. 2. *Ustav Republike Hrvatske* 1990 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.appszoom.com/android_applications/reference/ustav-republike-hrvatske_fuixw.html. 3. *Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.by/main.aspx?guid=2111. 4. *Нурумов Д.* Верховенство права – это система правления, где власть ограничена правом // Юрист. – 2008. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://journal.zakon.kz/203436-verkhovenstvo-prava-jeto-sistema.html>. 5. *Доклад о верховенстве права*, утвержденный Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25-26 марта 2011 г.). Исследование № 512/2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.venice.coe.int/WebForms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2011\)003rev-rus](http://www.venice.coe.int/WebForms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2011)003rev-rus). 6. *Bingham T.* The Rule of Law. – L., 2010. 7. *Hamon F., Troper M.* Droit constitutionnel. – P., 2007. – P. 79.

У. Э. БАТЛЕР,

доктор юридических наук (США);

М. В. ЗАХАРОВА,

кандидат юридических наук (Российская Федерация)

СЛАВЯНСКИЙ ПОДХОД К ИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ: PRO И CONTRA

В статье дается анализ славянского подхода к идентификации российской правовой системы. В качестве одних из предтеч данного социально-правового направления в юридической компаративистике авторы статьи называют такое течение политико-правовой мысли как евразийство. В статье делается вывод о том, что к безусловным заслугам представленного направления следует относить его ориентацию на пре-